

ЧЕРНОБЫЛЬНИК¹

*Вот моя деревня;
Вот мой дом родной...*

Иван Суриков

...И на Марсе будут яблони цвести.

Евгений Долматовский

Спит в степи забытая деревня.
Синь над ней мнут облаков стада.
Там в садах засохшие деревья
И везде полынь да лебеда.

Заросли тропинки и дороги.
А среди померкших очагов
Бродит дух попенного налога
И его сородичей — пеньков.

Там теперь мой старый добрый садик
Не в цвету весною, а во мгле.
И на Марсе яблони посадят,
Но зачем их гробить на Земле?!

Остров нежилой средь моря пашен.
Не открытье ждет его — покой.
И никто отсюда не помашет
Осенью журавушкам рукой.

Эти «перегибы-недогибы»
Затянули — не вздохнуть — ремень.

¹ Чернобыльник — полынь обыкновенная.

С головы гниет, вестимо, рыба,
А держава — с бедных деревень.

Дом над прудом... Садик... Не забыл их.
Вновь добрался до родимых мест.
Тишина окрест и чернобыльник —
Мой Чернобыль, боль моя и крест.

КУЛЕМА

Фотографий на стенке немало:
Мать, отец, муж, невестка, сынок...
И все видели: снова упала,
О родимый споткнувшись порог.

Как, заплакав от старческой боли,
Утешала себя: «Невзначай».
А надясь — вместо сахара соли
Намешала в малиновый чай.

Для нее не осталось опоры.
Все зовут за собой облака.
Сердцем чувствует старая: скоро
Сын приедет за ней. А пока...

Не сидится без дела кулеме
(Так себя, упрекая, зовет).
Посшибала² траву возле дома,
Дескать, тут еще кто-то живет.

Телефон... Сразу сбилось дыханье.
«Не дозвонишься? Как до Кремлю!
Как я тут? Да все отдыхаю,
Телевизор смотрю да дремлю...»

Затуманилось сердце надеждой,
Что не скоро уедет, хоть впрок
Припасла черный узел с одеждой
И землицы родной узелок...

За чужие ль грехи или просто,
Что душою уж больно светла —
Бабка мимо родного погоста
На чужбину свой крест пронесла...

СТАРЫЙ ДОМ

Все тебе непривычно кругом.
Осмотришь. Улыбнешь. Не спеши.
Ты вошла осторожно в мой дом,
Старый дом одинокой души.

²Посшибала — скосила кое-как.

Ставни окон, как веки, открой.
Здесь не смерть — летаргический сон.
Здесь давно не живет домовой,
Как и я — все скитается он.

Серых дум облака разгони.
Ты поплачешь потом, а пока
Паутину повсюду смахни
Бедным веником из полынки.

Окна теплой водою умой.
Приберись. Отдохни. И, как знать,
Может быть, не случайно, в трюме
Голубую увидишь тетрадь.

И на росной забытой заре,
После светлых бессонных часов,
Как в Дивеевском монастыре,
Окунись в мой источник стихов.

Ранним утром, халатик надев,
Ты сойди потихоньку с крыльца
И послушай щемящий напев
Развеселого раньше скворца.

Этой грустью прошита вся Русь.
Не пугай ты его, не тревожь, —
Я сюда никогда не вернусь,
Да и ты — погостишь и уйдешь...

СВЕТ ЛАМПАДКИ

Глаза закрою — мнится мне:
Изба. Под низкой маткою
Тихонько зыбка в тишине
Качается лампадкою.

В истоке хлопотного дня
И ноченькой бессонною, —
Там мама смотрит на меня
Божественной иконою.

Там ножками смешно сучу.
Сосу с пристрастьем пятки я
И — «Ма-ма, ма-ма,» — лопочу,
Слова такие сладкие!

А горько как: «Не забывай...» —
Шепчу девчонке милой я.
И слово черное: «Прощай!..» —
Над маминой могилою...

Устал в иллюзиях парить,
Все в мире ложью маzano.
Как трудно — Боже — говорить,
Когда уже все сказано.

Пред тем, как вырвусь из цепей
Земного притяжения —
Лишь не забыть бы у людей
Мне попросить прощенья...

В избе небесной — свой порог,
Путь Млечный — мгlistой маткою,
А месяц-зыбка, видит Бог,
Качается лампадкою...